

КНИГА

Поэт и муза

Юрий Домбровский

«Меня убить хотели эти суки».

М., «Возвращение», 1997.

Отстранили от партийно-государственного кормила Николая Ивановича Бухарина и, подслащивая пилюлю, опального наградили. Велели перепуганным академикам принять несравненного экономиста в свое высокое (и презренное) сообщество. Тогда-то отец мой в библиотеке Академии наук прочел на стене туалета следующую надпись: «Ферсманы и марры, как шрамы, По приказу Сталина Выбрали Бухарина». Через десятилетия я произнес эти во всех смыслах непроизносимые слова, и старый стихотворец, тонкий знаток поэзии, согласился со мною, что четверостишие, должно быть, было начертано дерзким Домбровским. Вроде бы больше некому.

С того мгновения, как литературный язык сформировался, он замедляется в своем развитии. Такова истина, установленная величайшим лингвистом Поливановым. Русский литературный язык, уже не юный, да еще придавленный и испakoшенный советской канцелярией, долго жила энергия нецензурно-лагерной лексики.

Никуда от нее не денешься, рецензируя книгу стихов Юрия Домбровского, которая называется столь выразительно: «Меня убить хотели эти суки». Этот сборник, одновременно устрашающий и жизнеутверждающий, — книга подлинной поэзии. В созданных Домбровским на воле стихах о русских поэтах («Державин», «Веневитинов», «Гнедич и Семенов», «Клюшников», «Козлов») проявилось основательное знание литературных биографий. Но важно, что в стихи эти внесена собственная судьба, создана своя поэтика. Слишком бесспорно вторжение небывалого содержания. Так, в стихотворении, написанном на седьмом году пребывания в тайге между Осетровым и Тайшетом, говорится о любимой:

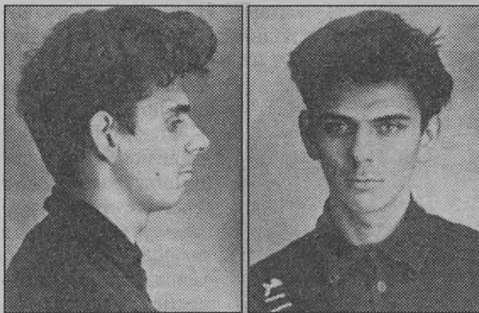
*Ты мне была и счастьем, и судьбой,
И сумерком, и ясностью рассвета,
Не тронута и до дыры запета,
Как рельса, прогудевшая отбой.*

Первое двустипие, разумеется, банально, но второе мог написать только Домбровский. И вот именно сочетание великопелепно.

Некогда неграмотный самозванец Емельян Иванович Пугачев уверял, что, упав с дерева, малость записбсь и запомнил пять языков... О Домбровском в литературном кругу есть удивительная байка, что он — шекспировед, забывший в зоне английский язык. На деле Юрий Си-

пович всегда был человеком образованнейшим и сохранил неподдельную интеллигентность во всех ситуациях. «Стоят поодаль, финками сверкая, И знают: это смерть сидит в дверях сарая, Высокая, безмолвная, худая, Сидит и молча держит топорь». Интеллигентия образца Домбровского оказалась не беззубой.

Композиция удивительной книги сложилась, «чем случайней, тем вернее». Стихи (любые) нын-

Юрий Домбровский после первого ареста в 1932 году

че не в цене, и сборник два года пролежал в типографии. Дело решилось добавлением рассказа и писем. Единство замечательное, за которое надо поблагодарить составителя Клару Турумову-Домбровскую и редактора С. Виленского. «Ручка, ножка, огурчик...» — выдающийся рассказ выдающегося писателя, комментариев не требует. Но вот в «Записках мелкого хулигана» и в «Письме члену ЦК КПСС Аристову» создан новый жанр. Заявления в инстанции превратились в плотную, интенсивную, совестливую прозу.

Немногие русские писатели умели создавать и стихи и прозу одинакового уровня. Мне кажется, что Домбровский в этом ряду. И у стихов его, и у прозы (имеющей свой ритм) — один герой, убедительный и неотразимо обаятельный. Благород-

ный борец и терпеливый мученик, умом и силой духа побеждающий следователей и палачей. Горечи это, увы, не убавляет: «Печален будет мой рассказ. Два раза люди не живут...» Герой Домбровского — далеко не «Иван Денисович». Эти два типа были соседями по нарам, пожалуй, уживутся они и в литературе.

Муза у поэта была грозная. Изображенный мир чудовищен, а поэзия все-таки возвышенная. Как в стихах о часовом на вышке: «Вечера здесь полны и богаты, Облака, как фазаны, горят. На готических башнях солдаты превращаются тоже в зекат».

Николай Семенович Лесков гордился тем, что, в отличие от остальных русских писателей, завороненных видениями тьмы, создал положительные образы. Просил не забыть этого подвига в надгробной надписи. В двадцатом веке подобное светлое дело удалось Юрию Осиповичу Домбровскому. Но в каких обстоятельствах! Какой ценой! Как воскликнул Брюсов: «Пал Илон, чтобы славить Гомера!» Юрий Осипович был не только негодующим очевидцем, но и действующим лицом трагедии, он принял свою судьбу. Все эти годы тюрем, лагерей, сылок. И еще десять суток «за мелкое хулиганство». В сущности — за то, что позже стали называть «правозащитной деятельностью».

«И вот таким я возвратился в мир, Который так причудливо раскрашен. Гляжу на вас, на тонких женщин ваших, На гениев в трактире, на трактир, На молчаливое седое зло. На мелкое добро грошовый сути, На то, как пьют, как заседают, крутят. И думаю, как мне не повезло!» О Домбровском рассказали и, надеюсь, еще поведают близко знавшие его. Мое личное воспоминание, мимолетное... В пивной ЦДЛ, в «пестром» зале сидит Домбровский, лихорадочно улыбающийся, больной и пьяный. Какой-то забулдыга подходит к нему и предлагает том Гофмана в обмен на 100 граммов. Но встряхнувшийся писатель недобрый, уморительно смешным словом поминает многоученного кота Мурра. Выговорить его речение я не в силах, но забыть не могу... А обстановка — самая «гофмановская». Народ галдит, а столики прослушиваются. По дымному залу снуют крысиные ко-роли.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ